

Юрий Анненков. «Александр Блок на смертном одре»

Жить без воздуха Блок не хотел 7 августа 1921 года он умер

Блок не дожил нескольких лет до повсеместного распространения радио. Страшно даже себе представить: неужели между сводками Информбюро и «Темной ночью» Бернеса мог прорезаться вечно усталый голос Блока, читающий «Скифов»? Абсолютно невероятно, но эфир мог донести этот голос до залитой августовским солнцем сонной Елабуги и до блокадного Ленинграда, где двадцать лет спустя после смерти Блока умирал от голода в ледяной комнате его любимый друг Евгений Иванов. Ничего этого не случилось, кроме... самого озвучивания блоковских строчек. Сын расстрелянного Павла Флоренского, гвардии младший лейтенант Кирилл Флоренский писал из тюрьмы, что завоеванной Германией своей корреспондентке: «У Блока так по-современному звучат «Скифы», что кажется, он написал это в 42–43 г. Я, когда разозлюсь иногда, говорю эти стихи немцам без перевода».

Блок не мог не умереть в год конца революции, который начался со смерти Кропоткина и лебединой песни восставшего Кронштадта и закончился страшным голодом и людоедством в Поволжье и смертью Короленко. В своей известной речи «О назначении поэта», 13 февраля 1921 года, Блок произнес: «И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха <...>. Поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл». За десять лет до смерти Пушкина задохнулся совсем еще юный, едва ли раскрывшийся хотя бы на четверть своего таланта, Дмитрий Веневитинов. Незадолго до смерти поэт, которому только что исполнился 21 год, был арестован по подозрению в сочувствии декабристам и двое суток просидел на гауптвахте.

История повторяется. В феврале 1919 года Блока арестовала Петроградская ЧК по подозрению в причастности к «заговору» левых эсеров. Автор «Двенадцати» был вынужден провести двое суток на Гороховой, где помещалось детище Дзержинского. С этого момента и началось его медленное угасание. «Когда пришла революция, — вспоминал Корней Чуковский, — Блок встретил ее с какой-то религиозной радостью, как праздник духовного преображения России <...>. Ему казалось, что после великой грозы все должно быть иное, что люди, очистив свою жизнь грозой, не смеют быть блудливыми и пошлыми. <...> Он не мог простить революции до конца своих дней, что она не похожа на ту, о которой он мечтал столько лет». Выступая на гражданской панихиде по Блоку, Петр Щеголев напомнил, что собственно Революцией воспевавший ее поэт считал именно «революцию духа», «говоря, что только она смоет мещанство, съевшее революцию».

Общая цит. - 1990. - 8 абз. - с 11.

Ничего похожего, конечно, не произошло, и с угасшей надеждой отлетела душа поэта. За несколько дней до смерти Блок послал Иванову-Разумнику свои книги с запиской на «детской бумаге» с виньеткой. «Не нравится мне эта записка: Блок не хочет жить, — поделился Иванов-Разумник с Андреем Белым. — И стало быть: смерть придет...»

Современная ему медицина не была совсем уж бессильна. Физически Блока можно было спасти. Консилиум врачей во главе с профессором П. Троицким нашел, что «он страдает хронической болезнью сердца с обострением эндокардита и субъективным ощущением стенокардического порядка...». Со стороны нервной системы имеются явления неврастения, резко выраженной». Троицкий обратился с ходатайством выпустить Блока на лечение в «иностранную санаторию» к Горькому, а тот — к Луначарскому. Правление Петроградского отдела Всероссийского Союза писателей во главе с А. Волынским адресовало просьбу немедленно отпустить Блока в Финляндию прямо к Ленину. Горький и Луначарский вместе поручились за поэта перед Совнаркомом и ЦК. 12 июля их ходатайство рассмотрело на своем заседании Политбюро компартии. Интеллигентный оппортунист Каменев и даже Троцкий, этот доктор Фауст русской революции, решивший иногда литературно-критическими статьями, высказались за поездку Блока за границу. Однако присутствовавшие на заседании Ленин, Зиновьев и Молотов голосовали против. Спустя четыре дня Луначарский разразился резким письмом в адрес ЦК, назвав решение политбюро о запрете «грубой ошибкой». Наконец Каменеву удалось уговорить Ленина: 23 июля партийное руководство исправило «ошибку», отменив собственное решение. Но было поздно. В то время, пока кремлевские мудрецы совещались, Блок впал в беспамятство и начал умирать в тяжелых страданиях. Великая мистерия подошла к своему неизбежному концу.

А если бы чудо свершилось, если бы Бальмонт, отпущенный за границу годом раньше, не присоединился к хору белоземимигрантов, если бы высокопоставленный чекист, «эстет» и меломан Менжинский не доложил бы об этом Ленину с припиской, что и Блок «естественно будет писать стихи против нас», — какая судьба могла быть уготовлена поэту Сталиным? Булгакова или Мандельштама? Горького или Пастернака? Не будем гадать понапрасну. Умерший от удушья, которое было сильнее немецких газов, Блок и расстрелянный через две недели после этого Гумилев испили свою чашу страданий. Ахматова и Цветаева — свою. Что ж, печально-знаменитый мартиролог Герцена пишется и по сию пору.

Правда о последних днях Блока была сказана лишь в наше время. Но то, почему его лира умолкла задолго до смерти, уже поняли наиболее чуткие современники. Музыкальную кантату революции, которой так дорожил поэт, заглушила канонада залпов в подвалах всевозможных чрезвычайек и особых отделов. Творение обмануло замысел, оно опустошило поэта и он оглох. С «того берега» его левозсеровские друзья только и смогли что написать в своем берлинском журнале: «Великий замысел российской революции: преображение лика земли. <...> Подвигом своей смерти Александр Блок и Сергей Есенин на все времена подтвердили, что их вера была святой. Ни Блок, ни Есенин не смогли снести хулы на духа святого, измены ему, вероломства. Певцы не борцы, и когда иссякает их песня, сердце их перестает биться».

Ярослав ЛЕОНТЬЕВ